

Предѣлъ невѣжественной развязности.

(Николай Морозовъ «Откровеніе въ грозѣ и бурѣ»).

Всякая почва производитъ соотвѣтствующія ей растенія. И если чистая лѣсная почва засоряется отбросами, какъ бываетъ, напр., около расположенныхъ въ лѣсу жилыхъ строеній, то и лѣсныя травы исчезаютъ въ этихъ мѣстахъ и смѣняются крапивой, репейникомъ и другими сорными растеніями.

То же самое бываетъ и въ жизни, и въ частности въ литературѣ и наукѣ, и, соотвѣтственно этому, понижается уровень научныхъ знаній,—и на книжномъ рынкѣ появляются произведенія, рассчитанныя почти исключительно на невѣжество публики и въ другое время едва ли имѣвшія бы успѣхъ. Именно такое явленіе и замѣчается въ Россіи въ наши дни, когда наука принесена въ жертву политикѣ.

Весною нынѣшняго года въ Петербургѣ появилась книга, сопровождавшаяся, по отзыву рецензента «Новаго Времени» ¹⁾, «нѣкоторымъ литературнымъ громомъ», а, по словамъ г. Щепкина ²⁾, получившая доступъ «въ широкіе круги читающей публики и сдѣлавшаяся любопытною новинкою весенняго книжнаго сезона». Такимъ исключительнымъ вниманіемъ къ себѣ книга обязана, впрочемъ, не какимъ-либо своимъ внутреннимъ достоинствамъ, а исключительно лишь интересу къ личности ея автора. Авторъ ея—человѣкъ, долгое время просидѣвшій въ Шлиссельбургской крѣпости. Книга эта—«Откровеніе въ грозѣ и бурѣ» Николая Морозова ³⁾, представляющая собою—мы сказали бы оригинальную, если бы она не была такъ неопрятно невѣжественна,—крайне дерзкую, чтобы не сказать больше, попытку объясненія происхожденія Апокалипсиса.

Въ первыхъ главахъ сей книги авторъ знакомитъ читателей съ своимъ міросозерцаніемъ и исторіей возникновенія книги. Онъ рассказываетъ, что еще съ дѣтства любилъ наблюдать природу, въ особенности облака и грозы, и увѣряетъ (что, впрочемъ, извѣстно было и до него), что нерѣдко видалъ, какъ во время грозъ тучи и облака принимаютъ нерѣдко весьма странныя очертанія, очень похожія на людей, животныхъ и т. п.; а однажды, передъ грозою, солнце, выглянувшее въ щель между двумя горизонтально расположенными тучами, стало поразительно похожимъ на человѣческое лицо. «Солнце казалось совсѣмъ живымъ лицомъ разнѣванного человѣка, старающагося просунуть свою голову между двумя слоями тучи, для того, чтобы посмотрѣть, что творится на землѣ. Это сходство съ живой человѣческой головой дополнялось еще тѣмъ, что верхній край узкаго отверстія въ свинцово-сизыхъ тучахъ, освѣщенный сзади

¹⁾ „Литературныя приложенія „Новаго Времени““ № 11183 (2 мая) 1907 г.

²⁾ „Русскія Вѣдомости“ № 108-й 1907 г.

³⁾ Николай Морозовъ. „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“—исторія возникновенія Апокалипсиса, съ 62 рисунками и снимками. Спб., 1907 г.

солнечными лучами, принялъ видъ густой шевелюры снѣжно-бѣлыхъ волосъ надъ разгнѣваннымъ ликомъ солнца, а нижній край образовалъ подъ нимъ какъ бы воротникъ мѣховой шубы, такого же снѣжно-бѣлаго цвѣта, закутывавшій его подбородокъ темною чертой, представляя собою что-то вродѣ двухконечнаго древняго кинжала, который солнце держитъ у себя во рту» ⁴⁾. Затѣмъ онъ распространяется о томъ интересѣ, съ какимъ древніе относились всегда къ звѣздному небу, и о томъ суевѣрномъ страхѣ, и нерѣдко и ужасѣ, какой внушали имъ различныя небесныя явленія или, какъ тогда говорили и думали, знаменія: движенія планетъ, кометы, метеоры, звѣздные дожди, солнечныя затменія и т. п. ⁵⁾. Наконецъ, онъ повѣствуетъ о томъ, какъ посаженный въ Шлиссельбургскую крѣпость, онъ, отъ нечего читать и дѣлать, принялся за чтеніе Библіи и началъ ее съ Апокалипсиса, «который доселѣ считалъ за произведение больной души» и никогда не читалъ. Но «съ первой же главы—рассказываетъ далѣе авторъ—я вдругъ началъ узнавать въ апокалипсическихъ звѣряхъ наполовину аллегорическое, а наполовину буквально-точное и притомъ чрезвычайно художественное изображеніе давно извѣстныхъ мнѣ грозовыхъ картинъ, а кромѣ нихъ еще замѣчательное описаніе созвѣздій древняго неба и планетъ въ этихъ созвѣздіяхъ. Черезъ нѣсколько страницъ для меня не оставалось уже никакого сомнѣнія, что истиннымъ источникомъ этого древняго пророчества была гроза и зловѣщее астрологическое расположеніе планетъ по созвѣздіямъ, эти страшные знаки Божьяго гнѣва, принятые авторомъ, подъ влияніемъ религіознаго энтузіазма, за знаменіе, специально посланное Богомъ въ отвѣтъ на его горячія мольбы о томъ, чтобы указать ему хоть какимъ-нибудь намекомъ, когда же, наконецъ, Іисусъ придетъ на землю. Авторъ этой книги внезапно всталъ предъ моими глазами, какъ человѣкъ съ глубоко любящимъ сердцемъ и съ чрезвычайно отзывчивой и поэтической душой... Съ первой же главы этотъ неизвѣстный Іоаннъ представился мнѣ погруженнымъ въ грустныя размышленія и одиноко сидящимъ на берегу острова Патмоса. Онъ ожидалъ вычисленнаго имъ на этотъ день (по употреблявшемуся тогда Саросскому циклу) солнечнаго затменія и старался опредѣлить, съ помощью

⁴⁾ Стр. 21-я.

⁵⁾ Это тоже было извѣстно еще и до нашего автора. См. напр. „Живописную Астрономію“ Фламмаріона (гдѣ даны рисунки), „Астрономическіе вечера“ Клейна и друг.

астрологических соображений, время ожидаемаго имъ второго пришествія Христа,—не замѣчая надвигающейся сзади него грозы. Но вотъ внезапный свѣтъ солнца, прорвавшійся въ щеловидный промежутокъ между двумя, несущимися одна надъ другой, тучами, вдругъ вывелъ его изъ забвенія, и, быстро повернувшись, онъ увидѣлъ то же самое разгнѣванное солнце, смотрящее на него изъ-за тучъ, которое разъ видѣлъ и я... Какое впечатлѣніе должна была произвести на него эта зловѣщая картина, появившаяся внезапно въ тотъ самый часъ, когда онъ ожидалъ такого грознаго для всѣхъ древнихъ явленія, какъ солнечное затмѣніе, понять не трудно изъ его собственнаго описанія. Онъ въ ужасѣ палъ на колѣни, и все, что было потомъ, стало представляться ему сплошнымъ рядомъ знаменій, посланныхъ для того, чтобы онъ записалъ и истолковалъ ихъ такъ, какъ подсказывало ему «божественное вдохновеніе» (такъ называетъ авторъ Святого Духа), т.-е. тотъ порывъ энтузіазма, съ которымъ знакома всякая истинно-поэтическая душа, и который онъ считалъ за «отголосокъ мыслей Бога въ своей собственной душѣ»⁶⁾.

По указаннымъ (по мнѣнію автора) въ Апокалипсисѣ положеніямъ планетъ въ опредѣленныхъ созвѣздіяхъ зодіака авторъ вычислилъ астрономическимъ путемъ, что описанная здѣсь гроза пронеслась надъ Патмосомъ въ воскресенье 30 сентября 395 *юлианскаго года* (!). «Вся книга, какъ стенографически точное воспроизведеніе картины неба (при четырехъ ударахъ землетрясенія), имѣвшей мѣсто только одинъ этотъ разъ за весь историческій періодъ времени, была несомнѣнно составлена по непосредственнымъ замѣткамъ этого же дня и ночи и окончательно написана въ слѣдующіе за тѣмъ дни, т.-е. въ началѣ октября того же года»⁷⁾. Правда, видѣніе началось еще днемъ, когда созвѣздій не было видно, но авторъ утѣшаетъ читателя догадкой, что наблюдатель видѣнія, какъ астрономъ (?), могъ догадываться о положеніи созвѣздій и днемъ; а потомъ, «у него, быть можетъ, были съ собой и инструменты» (!). Правда и то, что такое же точно (съ самою незначительною разницей) положеніе свѣтилъ, т.-е. главнымъ образомъ пребываніе планеты Сатурна въ созвѣздіи Скорпіона и планеты Юпитера въ созвѣздіи Стрѣльца, по собственнымъ же вычисленіямъ автора (стр. 144-я), было и въ 336 году (вся разница только въ томъ, что

⁶⁾ Стр. 28—30.

⁷⁾ Стр. 30.

Юпитеръ въ этотъ разъ показанъ «на выходѣ» изъ Стрѣльца, а Сатурнъ «на входѣ» въ Скорпіона),—но и это не смущаетъ автора. Онъ ограничивается лишь замѣчаніемъ, что «эта дата непригодна», и этимъ считаетъ, очевидно, возраженіе устранимымъ.

Сообразно этой основной мысли своей книги, авторъ объясняетъ и всѣ названія и предметы, встрѣчающіеся въ Апокалипсисѣ. Такъ семь духовъ, находящихся предъ престоломъ Божиимъ (Апокал. 1, 4), и семь свѣтильниковъ означаютъ, по толкованію автора, семь звѣздъ, сіяющихъ въ созвѣздіи Большой [Медвѣдицы; престолъ Божій—созвѣздіе Трона; жертвенникъ—созвѣздіе Жертвенника; Подобный Сыну Божію (ст. 13-й)—солнце, выглядывающее между двухъ тучъ; Его руки и ноги—солнечные лучи и облака; Сидящій на тронѣ (4, 2—3)—облако; двадцать четыре старца—двадцать четыре часа сутокъ; четыре животныхъ вокругъ престола (ст. 9)—четыре созвѣздія и вмѣстѣ—четыре времени года; ихъ голосъ—мерцаніе звѣздъ. Книга (5, 1)—полоса созвѣздій Зодіака; семь печатей—облака. Ангель, возглашающій громкимъ голосомъ (ст. 2-й)—ревущее море. Агнецъ (ст. 6-й и далѣе)—созвѣздіе Овна или облачный барашекъ. Четыре коня (глава 6-я) и сидящіе на нихъ—созвѣздія. Двѣнадцать колѣнъ израилевыхъ (7, 4—8) старается приравнять къ двѣнадцати такъ называемымъ астрологическимъ домамъ, причемъ даетъ именамъ патріарховъ совершенно произвольное и неправильное объясненіе. Семь ангеловъ (глава 8-я и далѣе)—это ливни и морскія волны; люди, поражаемые конями (9, 18—21),—трава, качающаяся отъ вѣтра. Книга, данная ангеломъ тайновидцу—кусокъ коры, выброшенной моремъ; самый ангель—облако; трость, данная тайновидцу (11, 1),—морской тростникъ; храмъ—патмосское пшеничное поле; два свидѣтеля (ст. 3—11)—двѣ береговыя чайки, которыя отъ бури пролежали нѣкоторое время неподвижно на утесѣ. Жена, облаченная въ солнце (гл. 12-я),—созвѣздія Дѣвы и Волосъ Вереники; драконъ—уродливая извивающаяся туча въ созвѣздіи Змѣя; младенецъ—созвѣздіе Геркулеса; война на небѣ—столкновеніе тучъ. Змѣй съ семью головами и десятью рогами—чудовищная грозовая туча и вмѣстѣ съ тѣмъ—византійская имперія; двурогій звѣрь—другая туча и вмѣстѣ съ тѣмъ—государственная церковь (объ этомъ—ниже). Ангелы (гл. 14-я)—голуби или ласточки. Побѣдившіе звѣря поющіе пѣснь Богу (гл. 15-я)—первыя крупныя звѣзды, появившіяся

на восточной, потемнѣвшей части неба. Семь ангеловъ (гл. 16-я) — облако и вмѣстѣ—государственная церковь. Ангель (гл. 18-я)—ночной метеоръ (удивительно, какъ все соединилось въ эту ночь: и затмѣніе, и буря, и землетрясеніе, и метеоры, и даже облака и тучи принимали такія формы, которыя въ особенности должны были утѣшить созерцателя!); и 19-я глава представляетъ, по автору, ночныя грезы тайновидца; ангель (ст. 9-й)—звѣздное небо; бѣлый конь и сидящій на немъ—созвѣздія Юпитера и Овна; ангель (ст. 17-й)—созвѣздіе Персея. Глава двадцатая представляетъ предутреннія мечты Іоанна. Ангель (ст. 1-й)—созвѣздіе Зміеносца, змѣй—созвѣздіе Змѣя. Глава 21-я—утро новаго дня, а Новый Іерусалимъ—голубое прояснившееся небо. Рѣка воды жизни (глава 22-я)—млечный путь (это днемъ-то!); невѣста (ст. 17)—земля; Николаиты—еретики перваго вѣка (2, 6), о которыхъ упоминаютъ въ своихъ посланіяхъ апостолы Петръ (2 Петр. 2, 10—15) и Іуда (Іуд. 4—13)—*это послѣдователи Николая Чудотворца Мирликійскаго (!)* (объ этомъ см. ниже).

И такъ далѣе. и такъ далѣе. Мы привели, да и то не въ полномъ видѣ, только существенное. Фантазіи и произволу нѣтъ никакихъ границъ.

Послѣ предисловія авторъ прилагаетъ и «переводъ» Апокалипсиса, причемъ главы вторую и третью, содержащія откровеніе семи малоазійскимъ церквамъ и «не имѣющія никакого отношенія къ общему содержанію книги» (стр. 43-я), выдѣляетъ и помѣщаетъ въ концѣ книги. Что это за переводъ, видно уже изъ словъ автора: «Мое изложеніе Апокалипсиса—не рабски подстрочный, какъ обыкновенные церковные, никуда негодные переводы. Это, такъ сказать, *популяризація его*, потому что простой переводъ здѣсь неумѣстенъ»⁸⁾. И, дѣйствительно, «переводъ» г. Морозова можно назвать чѣмъ угодно, но только не переводомъ. Приведемъ, для образца, нѣкоторыя мѣста этого «перевода».

⁸⁾ Стр. 31—32.

Глава 11-я.

Заглавіе главы у Морозова:

„Море выбрасываетъ Іоанну тростниковый стебель. Картина борьбы двухъ чаекъ съ ураганомъ. Появленіе новой радуги.

Апокалипсисъ.

«Переводъ» г. Морозова.

Ст. 1. И дана мнѣ трость, подобная жезлу, и сказано: встань и измѣрь храмъ Божій и жертвенникъ и поклоняющихся въ немъ.

И переданъ мнѣ (моремъ) тростникъ, подобный посоху, а гонецъ въ облачной одеждѣ уже вступилъ (въ море), говоря мнѣ: Подбери его и измѣрь имъ потомъ (повидимому, на размѣрахъ Патмосскаго пшеничнаго поля) жилище Бога (небо) и созвѣздіе Жертвенника и исчисли преклоняющихся въ божьемъ жилищѣ (звѣздъ).

Ст. 2. А внѣшній дворъ храма исключи и не измѣрай его, ибо онъ данъ язычникамъ: они будутъ попирать святыи градъ сорокъ два мѣсяца.

А проходное мѣсто внутри жилища Бога (землю) исключи и не измѣрай, потому что оно отдано во власть толпищамъ. Они еще будутъ попирать Святую Твердыню (вселенную) въ продолженіе сорока двухъ мѣсяцевъ (1260 дней, до воскресенія 13 марта 399 года, когда, по вычисленію автора долженъ былъ придти на землю воскресшій изъ мертвыхъ Іисусъ).

Ст. 3. И дамъ двумъ свидѣтелямъ моимъ, и они будутъ пророчествовать тысячу двѣсти шестьдесятъ дней, будучи облечены во вретище.

Но я дамъ власть двумъ пророзвѣстникамъ моимъ пророчествовать въ эти 1260 дней въ ихъ бѣлыхъ саккосахъ (накидкахъ безрукавкахъ, придававшихъ стариннымъ византійскимъ архіереямъ нѣкоторое сходство съ бѣлогрудыми и чернокрылыми чайками).

Ст. 4. Это суть двѣ маслины и два свѣтильника, стоящіе предъ Богомъ земли.

Вотъ онѣ, эти двѣ мои оливочки, два свѣточа (вѣроятно, двѣ береговья чайки), избравшія свое жилище передъ властителемъ земли.

Или еще:

Апокалипсисъ.

Морозовъ.

Глава 12. Ст. 1. И явилось на небѣ великое знаменіе: жена, облеченная въ солнце; подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ.

И появилось на небѣ (среди тучъ) новое знаменье великое и чудное: женщина, одѣтая солнцемъ. Внизу ногъ ея была луна, а надъ головой ея (висѣлъ вверху) вѣнокъ изъ двѣнадцати звѣздъ (созвѣздіе Волосъ Вереники).

Ст. 2. Она имѣла во чревѣ и кричала отъ болей и мукъ рожденія.

Она была беременна (наполнившимъ ее клочкомъ тучи ⁹⁾) и рыдала какъ отъ мученій, сопровождающихъ роды (капли дождя, вызвавшія съ противоположной стороны радугу, падали между солнцемъ и Иоанномъ, какъ яркія слезинки плачущей Дѣвы).

И такъ—весь Апокалипсисъ, отъ начала до конца. Нѣтъ буквально ни одного стиха безъ вставокъ, вдобавокъ не вездѣ сговоренныхъ (напримѣръ въ 2 и 8 стихахъ 8-й главы); нѣкоторые стихи перенесены даже изъ одной главы въ другую. Такъ 1-й стихъ 15-й главы перенесенъ въ 16-ю; 18-й стихъ 17-й главы поставленъ послѣ 15-го; первыя три стиха первой главы вынесены въ примѣчаніе. Слѣдовъ изученія громадной литературы предмета, текста и языка—никакихъ. Читатель долженъ вѣрить г. Морозову на слово. Само собою разумѣется, что такую передѣлку можно всякій древній памятникъ исказить до полной неузнаваемости и доказать все, что угодно.

Конечно, нужно быть астрономомъ. чтобы провѣрить правильность астрономическихъ вычисленій г. Морозова; но крайняя

⁹⁾ А не много далѣе „переводчикъ“ называетъ младенца жены уже созвѣздіемъ Геркулеса.

произвольность и бездоказательность приложенія его астрологической теоріи къ Апокалипсису очевидна для всякаго непредубѣжденнаго завѣдомо читателя. Если бы это былъ простой астрологическій трактатъ, то онъ былъ бы несомнѣнно разгаданъ современниками (между которыми могли найтись и очевидцы тѣхъ небесныхъ явленій, которыя наблюдалъ авторъ Апокалипсиса, въ особенности изъ лицъ, занимавшихся астрономіей) и никогда не могъ бы имѣть такого могущественнаго и продолжительнаго вліянія на весь христіанскій міръ. Если даже и не современниками, то послѣдующими поколѣніями, въ особенности астрономами, подобный астрологическій трактатъ несомнѣнно былъ бы расшифрованъ и выведенъ на чистую воду. Между тѣмъ никѣмъ изъ сколько-нибудь извѣстныхъ астрономовъ не высказывалось даже догадокъ объ астрологическомъ происхожденіи Апокалипсиса. Но это не смущаетъ г. Морозова. Увидавъ, уже послѣ своего освобожденія изъ Шлиссельбургской крѣпости, толкованіе Ньютона на Апокалипсисъ, онъ сильно обрадовался было, думая найти у Ньютона подтвержденіе своихъ астрологическихъ бредней, но, къ сожалѣнію своему, ничего подобнаго не нашель и увѣряетъ читателя, что Ньютонъ «не могъ не понимать астрономическаго смысла этой книги, но боялся объяснить его своему читателю» ¹⁰⁾. Не имѣя такимъ образомъ предшественниковъ въ астрономическомъ толкованіи Апокалипсиса, г. Морозовъ поистинѣ своимъ умомъ дошелъ до своего удивительнаго открытія.

Помимо всего сказаннаго, лживость теоріи г. Морозова совершенно очевидна изъ того, что Апокалипсисъ, *съ тѣмъ именно содержаніемъ, съ какимъ мы его знаемъ* ¹¹⁾, хорошо извѣстенъ христіанской церкви еще первыхъ двухъ вѣковъ и еще тогда почти общимъ голосомъ церкви приписывался апостолу Іоанну Богослову. О немъ говорятъ: Папій, Мелитонъ Сардійскій, писавшій, по свидѣтельству Евсевія, о немъ книгу, Іустинъ Мученикъ, Тертулліанъ, Ипполитъ Римскій, писавшій апологію и толкованіе на Апокалипсисъ, Оригенъ, Ириней Ліонскій (ученикъ Поликарпа Смирнскаго, ученика Іоанна Богослова), Діонисій Александрійскій, Меѳодій Патарскій, Ефремъ Сиринъ,

¹⁰⁾ Стр. 88 и 131.

¹¹⁾ Авторъ (на стр. 296-й) говоритъ, что могли быть и другіе астрологическіе апокалипсисы, къ которымъ и могли относиться свидѣтельства древнихъ писателей. Но извѣстное содержаніе этихъ апокалипсисовъ не имѣетъ ничего общаго съ Апокалипсисомъ Іоанна Богослова: и церковь они никогда не признавались.

Епифаній, Василій Великій, Иларій, Аѳанасій Великій, Григорій Богословъ, Дидимъ, Августинъ, Іеронимъ, Лактанцій и многіе другіе. Если относительно Апокалипсиса и возникали сомнѣнія, то относительно лишь принадлежности его апостолу Іоанну Богослову, а не кому-либо изъ его современниковъ (мнѣніе Папія относительно принадлежности Апокалипсиса какому-то ефесскому пресвитеру Іоанну, ученику Господа), причемъ и эти сомнѣнія возникали лишь у немногихъ. Позднее сравнительно внесеніе Апокалипсиса въ канонъ священныхъ книгъ объясняется таинственностью его содержанія, вслѣдствіе чего церковь опасалась давать его въ руки неутвержденныхъ въ вѣрѣ, дабы не подать имъ повода къ лжетолкованіямъ. Внутренняя сторона Апокалипсиса—наименованія писателя книги себя просто Іоанномъ (22, 8) безъ всякихъ пояснительныхъ добавленій, что указывать на челоѣка общеизвѣстнаго въ семи малоазійскихъ церквахъ, для которыхъ прежде всего назначалась книга, а таковымъ могъ быть только апостоль, — а также рабомъ Іисуса Христа, свидѣтельствовавшимъ Слово Божіе и свидѣтельство Іисуса Христа (Апокал. 1, 1—2; сравн. подобн. въ 35 ст. 19 гл. Евангелія Іоанна, а также въ 1 ст. 1 гл. его 1-го Соборнаго посланія); упоминаніе о Божественномъ Логосѣ (Апокал. 19, 13), ученіе о которомъ содержится только въ евангеліи Іоанна (1, 1—18); нѣкоторыя выраженія, напр. *νικῶν*—побѣждать, встрѣчающееся 6 разъ въ одномъ первомъ посланіи Іоанна и 16 разъ въ Апокалипсисѣ, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ книгахъ Новаго Завѣта оно встрѣчается только три раза, и нѣкоторыя другія внутреннія особенности Апокалипсиса—ясно показываютъ, что писателемъ его могъ быть только возлюбленный ученикъ Христовъ, апостоль Іоаннъ Богословъ. Кромѣ того,—обиліе гебраизмовъ (что указываетъ на очень раннее написаніе Апокалипсиса), указанія—на еретиковъ 1-го вѣка николаитовъ (2, 6), на мученичество Антипы Пергамскаго (2, 13)¹²⁾, на существованіе Іерусалима (11, 1—8), на римскихъ императоровъ (17, 10)¹³⁾—также непрерываемо говоритъ въ пользу глубокой древ-

¹²⁾ Морозовъ старается, правда, и, по обыкновенію, совершенно голословно, отвергнуть самое сказаніе о священномученикѣ Антипѣ, утверждая, что оно и возникло только вслѣдствіе упоминанія объ Антипѣ въ Апокалипсисѣ (!), въ концѣ 4-го вѣка (стр. 180-я). Обычный полемическій приѣмъ нашего автора, показывающій научное достоинство его книги.

¹³⁾ И это мѣсто старается авторъ отнести къ четвертому вѣку, именно къ семи византійскимъ императорамъ, начиная съ Константина Великаго и кончая Іо-

ности Апокалипсиса. И всё вообще писатели, древніе, средне-вѣковые, позднѣйшіе и современные, упоминавшіе объ Апокалипсисѣ, равно какъ и всё его изслѣдователи и толкователи— признають или не признають они Апокалипсисъ твореніемъ апостола Іоанна Богослова—вѣрующіе и раціоналисты—отрицатели—единогласно относятъ время написанія Апокалипсиса къ 1-му вѣку по Р. Х. 14).

Авторъ, впрочемъ, что-то смутно слышалъ объ этомъ. Но и это его нисколько не смущаетъ. Однимъ почеркомъ своего истинно-богатырскаго пера онъ уничтожаетъ всё эти свидѣтельства. Въ самомъ концѣ своей книги (на стр. 296), да и то даже не въ текстѣ, а лишь въ подстрочномъ примѣчаніи, упомянувъ вскользь объ этихъ свидѣтельствахъ, онъ постановляетъ: *разъ мы доказали*, что Апокалипсисъ Іоанна появился послѣ грозы 30-го сентября 395 года, «то не могло быть и упоминаній о немъ ранѣе указаннаго времени»; свидѣтельства же эти были «сфабрикованы» впоследствии. Коротко и ясно. Вотъ какъ въ наши дни расправляются съ исторіей.

Но кто же, однако, былъ этотъ таинственный авторъ Апокалипсиса?—Авторъ Апокалипсиса былъ не кто иной, какъ. . *Іоаннъ Златоустъ* (!)¹⁵), «знаменитый византійскій революціонеръ и протестантъ». Признаемся, что когда мы впервые увидели въ книгѣ г. Морозова это имя въ качествѣ писателя Апокалипсиса, то подумали, что это опечатка. Но опечатки здѣсь не было: авторъ не только утверждаетъ, но и въ цѣлой половинѣ своей книги всячески старается доказать, что именно Іоаннъ Златоустъ есть писатель Апокалипсиса. Съ нѣсколькими иностранными и русскими книжками въ рукахъ, авторъ для

вѣномъ (стр. 106-я), но также безъ всякихъ подтвержденій. Здѣсь необъяснимымъ также является пророчество писателя книги о недолгомъ царствованіи Іовіана.

¹⁴) Объ этомъ между прочимъ—у Оберлена „Пророкъ Даніиль и Апокалипсисъ св. Іоанна“, переводъ прот. Романова; Жданова „Откровеніе Господа о семи азійскихъ церквахъ“; въ Сборникѣ статей по истолковательному и назидательному чтенію Дѣяній св. апостоловъ и Апокалипсиса“ Варсова; въ „Руководствѣ къ изъяснительному чтенію посланій апостольскихъ и Апокалипсиса“ А. Иванова; въ „Богословской Энциклопедіи“ Лопухина, подъ словомъ „Апокалипсисъ“,—томъ 1, вып. 1, стр. 910—927 и друг.

¹⁵) Потому что Златоустъ самый извѣстный Іоаннъ 4-го вѣка. Но почему же непременно Іоаннъ? Если бы авторъ былъ сколько-нибудь знакомъ съ древне-христіанской апокрифической литературой, онъ зналъ бы, что составители апокрифовъ, для приданія авторитета своимъ произведеніямъ, обыкновенно тщательно скрывали свои имена, а произведенія свои надписывали именами лицъ, пользовавшихся наибольшимъ авторитетомъ и уваженіемъ въ церкви.

доказательства столь удивительнаго положенія перекраиваетъ всю жизнь Златоуста, въ связи съ исторіею Восточной церкви 4-го вѣка, распоряжаясь ею съ еще большимъ произволомъ и безцеремонностью, чѣмъ съ текстомъ Апокалипсиса. Прежде чѣмъ излагать по-своему жизнеописаніе Златоуста, онъ пытается дать характеристику положенія и состоянія Греческой церкви въ четвертомъ вѣкѣ. Ее называетъ онъ «Великою Самопродажницею» и утверждаетъ, что именно къ ней относится 17-я глава Апокалипсиса, изображающая великую блудницу. Греческая («государственная») церковь въ четвертомъ вѣкѣ, по его утверженію, раздѣлилась на двѣ фракціи: аріанскую и николантскую—отъ имени св. *Николая Мирликійскаго Чудотворца* (!), котораго эта фракція имѣла своимъ главою. Указаніе на это авторъ видитъ въ 15 ст. 2-й главы Апокалипсиса, гдѣ на самомъ дѣлѣ говорится о еретикахъ 1-го вѣка николантахъ; что касается этихъ еретиковъ,—авторъ утверждаетъ, что они «выдуманы» въ средніе вѣка. Обѣ эти фракціи одинаково рабствовали предъ государственною властью. Но были еще фракціи меньшія, независимыя, къ одной изъ которыхъ, именно къ оригенистской, и принадлежалъ Златоустъ, одинаково ненавидѣвшій какъ гражданскую, такъ и церковную власть и государственную церковь. Будучи революціонеромъ и демагогомъ, Златоустъ предводительствовалъ толпою, разбившею въ Антиохіи царскія статуи и, сосланный за это императоромъ Θεодосіемъ въ Малую Азію, основалъ тамъ семь оригенистскихъ общинъ. Подъ вліяніемъ тревожныхъ политическихъ событій конца 4-го вѣка, у Іоанна сложилось убѣжденіе въ близкой кончинѣ міра, именно 13 марта 399 года, которое онъ и вложилъ въ составленное имъ на островѣ Патмосѣ Откровеніе (Апокалипсисъ), адресованное къ основаннымъ имъ семи оригенистскимъ общинамъ. Откровеніе и заключающееся въ немъ пророчество о близкой кончинѣ міра, благодаря популярности Златоуста, получили широкую извѣстность; при дворѣ въ Константинополѣ испугались и, чтобы имѣть предстателя предъ Богомъ въ лицѣ самого пророка, самого Златоуста, несмотря на то, что онъ былъ революціонеръ и еретикъ, насильно поставили константинопольскимъ архіепископомъ. Но когда пророчество не исполнилось, Іоанна—кстати сказать, и въ санѣ архіепископа константинопольскаго оставшагося тѣмъ же революціонеромъ—свергли, обвинили въ плагиатѣ и приписали Апокали-

писиъ апостолу Іоанну Богослову (существованіе котораго, кстати, нашъ авторъ тоже отрицаетъ). А потомъ, послѣ смерти Златоуста, его возвела въ собственные святыя церковь, которую онъ называлъ «Великою Самопродажницею».

Болѣе дикой фантазмагоріи, большаго издѣвательства надъ исторіей едва ли видѣла наука. Разбирать книгу г. Морозова значило бы написать книгу, большую, чѣмъ его книга, такъ какъ въ жизни Златоуста, какъ и въ жизни церкви его времени, авторомъ не оставлено безъ перетолкованія и искаженія буквально ни одного факта. Однихъ примѣровъ и притомъ на иболѣе вопіющихъ и возмутительныхъ можно было бы привести цѣлыя страницы. Не найдется курса или монографіи по церковной исторіи, не исключая и тѣхъ (весьма немногихъ, правда), какими пользовался самъ авторъ, которые не опровергали бы его измышленій. Даже одного простого чтенія его книги для всякаго, хоть сколько-нибудь знакомаго съ церковною исторіей, достаточно для того, чтобы видѣть всю ложь и фальшь ея. Авторъ, правда, это сознаетъ (хотя, разумѣется, и не высказываетъ) и неоднократно старается увѣрить читателя, что только его книга можетъ удовлетворительно объяснить происхожденіе Апокалипсиса. Все, что не мирится съ измышленіями г. Морозова, онъ прямо отвергаетъ или переноситъ въ средніе вѣка (даже книгу пророка Іоны). Отношеніе къ религіи и христіанству самое отрицательное и презрительно враждебное. За границей едва ли могла бы появиться подобная книга; она рассчитана исключительно на невѣжество русской публики, да и у нея обязана своимъ успѣхомъ главнымъ образомъ громкой политической репутациі автора ¹⁶⁾. И переводъ г. Морозовымъ Апокалипсиса и вся его книга—какой-то сплошной бредъ и крайне печальное, во всѣхъ отношеніяхъ, литературное явленіе. (Моск. Церк. Вѣд.).

Свящ. Н. К.—вз.

¹⁶⁾ Для большей рекламы, книга украшена крайне замысловато обложкою даже съ крестами.